

18+

К. РОНЕД

БАБОЧКОЙ СРЕДЬ
ФЕЙЕРВЕРКОВ

Кирилл Ронед
Бабочкой среди фейерверков

«Издательские решения»

Ронед К.

Бабочкой среди фейерверков / К. Ронед — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-560553-5

Действия книги происходят недалеко от Иркутска в небольшом городке металлургов. Главный герой — клоп. Единственный кто желает разобраться, отыскать личную, а не общую гармонию за пределом себя и колеи. Читатель и герой поставлены перед ликом тупой гримасы неизбежности, работы на заводе и смерти от паленой водки. Куда занесет его это? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-560553-5

© Ронед К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
1	7
2	11
3	13
4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Бабочкой среди фейерверков

Кирилл Ронед

Художник-иллюстратор Анастасия Семенова

Автор фотографий Даниэль Самородов

© Кирилл Ронед, 2022

ISBN 978-5-0056-0553-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Как прожить, чтоб не прогореть до основания? Ни разу не ошибиться, ни разу не разочароваться в этом мире. Не застыть в киселе повседневности, не прокиснуть, как старое молоко в холодильнике. Никто на эти вопросы точного ответа дать не может. Сам после смерти, быть может, и поймешь, если будет время на это даже на том свете. Когда живешь, нет времени думать об этом мире. Нет момента осознать, что населяешь, словно бабочка, летящая среди фейерверков.

Нет мгновенья быть живым. Есть время зарабатывать, выпивать, привязываться к гнилым и больным людям, стучать палками по барабанам.

Вечно предвещая кого-то призрачного, перспективного счастья в завтрашнем дне. Дожидаюсь от других какой-то отдачи, выгоды, эффективности. Не зря же мы так старались.

Обслуживая низменные потребности, заседая с бутербродом на унитазах и читая умные книжки, чтобы выглядеть разумнее. Стараться не думать о своем экзистенциальном кризисе.

Я хочу видеть свои глазами, как лань ляжет подле льва и как зарезанный встанет и обнимается с убившим его. Я хочу быть, когда все узнают, для чего все так было (Ф. М. Достоевский).

С глаз долой, тупой иглой и по самым венам.

1

– Я тут прочитал про внутригрупповой фаворитизм. Только представь, люди презирают друг друга без видимых на то причин, потому что человек напротив них, допустим, не болеет за ту же самую футбольную команду. И так может быть с любыми группами, главное, чтобы они занимались разной деятельностью, даже необязательно враждебной. Интересно, правда?

– Да уж. Но каким боком тут групповуха?

– На самом деле не при делах. Хотя если в одной групповухе только женщины, а в другой парни, то им не все нравится.

– Заебал, пей пиво, Кирюха. Расскажи лучше, как жизнь твоя. Все ли гладко? – заткнул меня Андрей

– Все хорошо вроде как. Наверное, через несколько лет смогу ответить точно.

– Ну ладно.

По идее, я должен радоваться, но накрывало какое-то отчаяние. Быть может, потому, что с утра будет сильно болеть голова, или же потому, что я свернул совсем не туда, где хотел оказаться. Но проще было откинуться и перестать думать об этом.

Всплески холодной воды из бассейна, кто-то скинул девчонку туда, радостные крики, попсовая музыка. Вот она – молодость! Прожигай ее, друг, вопила атмосфера. Да как-то не хочется, может, не в другой раз?

Мне больше по душе проводить ее в другой компании. С дешевым вином, толстыми разукрашенными бабами. Там все гораздо скоротечнее, чувствуется дух авантюризма, еще не все решают деньги. Это все хрупкое и нежное, весьма дорогое.

Кажется, весь дух приключений несколько лет назад находился недалеко от Иркутска. Если вам послышалось слово «сука», вы почти угадали место. Это невзрачный городок металлургов, из труб идет дым, смешанный с мужеством и химикатами. В принципе, во всей Сибири такое, поэтому тут все необычно. Например, сибирская музыка и литература держатся особняком от мира сего. Это все отбилось от своих истоков, начало жить своей жизнью по новым законам и порядкам. Похоже, что так будет даже лучше. Для любителей классики и архаичных книг работают библиотеки и труды великих бессмертны.

Все начало меняться или рождалось новое, когда в один из дней из труб пошли какие-то странные химикаты. Да такие, что нам с Почтальоном вздумалось проверить на горючесть старые «гоповки» какого-то деда! Я утверждал, что они не горят, а лишь тлеют. Почтальону было все равно, может быть, потому, что прозвали его так за любовь к маркам, либо же он тоже не представлял, что могло произойти.

Мы стояли в старом деревянном заброшенном гараже, где валялись эти зеленые штаны. Там была еще гора какого-то мусора, а за стенами дул бешеный ветер. Он кружил пакеты в небе, колючими снежинками резал газетные лица непредусмотрительных прохожих людей. Чтобы спокойно перекурить, приходилось прятаться от этой стихии. Она и сигарету за тебя скурит, и руки все холодом обожжет. Я, закрывая двумя руками свою вечную зажигалку «Федор», поднес ее к штанам. Они совсем не хотели гореть, поэтому я подкинул к ним свой бычок, чтобы наверняка и мы ушли в сторону болота, или же, как ласково говорилось, – «Питера». «Питер» – это для кого-то канализационный колодец, а для нас – место силы.

Спустя полчаса с другого конца города мы увидели высокий черный столб дыма. Сначала показалось, что штаны не могут так гореть, но потом стали всплывать детали. На этих портках были три полоски, а в этой куче еще несколько таких. Поэтому так и ебнуло. Я даже задумался, а не сожгли ли мы часть души какого-то деда-гопника? Если бы в России снимали «Гарри Поттера», то наверняка бы тот, чье имя нельзя называть, спрятал бы часть своей души в дырявых штанах. Потому что кто кроме нас догадался бы их сжечь? Гарри бы даже не подумал про это.

По итогу выгорело несколько гаражей, к счастью, в них был лишь мусор. Полиция пыталась искать этих пидоров, то есть нас, но безуспешно. Да и делала это только для успокоения жителей, ведь на самом деле ничего плохого не произошло, у властей нет денег, чтобы эти помойки убрать, а тут их кто-то сжег. Ну благодать же.

– Эх, как праздник и веселье, только все наоборот. Чем-то мне это даже напоминает апокалипсис: сирены гудят, снег падает и постоянно серое небо над головой, как будто ядерная зима, – порадовался я, пытаюсь разрядить обстановку.

– А у меня дед за нацистов воевал, – наверно, уже в сотый раз он сказал это мне.

На протяжении нескольких месяцев мне доводилось разглядывать фотокарточки каких-то похожих немцев. Слушать их биографии, смотреть фильмы. Это настоящий кошмар, но приходилось терпеть, друг как никак.

– Да блядь, Ярик, заебал. Ты хоть обрадуйся или огорчись, мы праздник горожанам устроили! В городе ничего интересного за последние 5 лет не произошло, а тут такое.

– Дед воевал, – с отчаянием сказал он как будто сам себе.

Почтальон, наверно, испытывал самые разнообразные чувства в этот момент. То ли оттого, что мы сожгли такие классные штаны, либо же просто испугался сесть на бутылку правосудия, а может, понял, что его вещи могут так же.

Как только дым рассеялся, а вьюга раскидала пепел нам по шапкам, мы пошли за сигаретами к тетя Зое. Это была лучшая женщина в нашей жизни, с ней можно и в карты зарубиться, и чая попить с конфетами, но в этот раз мы шли к ней с бизнес-планом.

– Теть Зой, открывайте! Холодно – пиздец! Сейчас яйца отвалятся! – кричали мы в маленькое окошечко «Эмпориума».

– Опять вы, ладно, заходите, – даже радостно сказала нам тетя Зоя.

Вообще, она нам не тетка, мы у нее сигареты покупали в школе, чтобы нескучно на переменах было.

Старый ящик LG, море блестящих и дешевых товаров, два стула с помойки, которые мы притащили несколько лет назад, чтобы не сидеть на холодном полу. Кстати, Зоя до сих пор не знает, что они с помойки.

– Видели, гаражи горели? – сообщил я.

– Да, опять бомжи, сволочи, сожгли.

– Нет. Это мы подожгли, – хвалясь, сказали мы с Почтальоном почти одновременно.

– Вот черти, блядь.

– Может, в картишки перекинемся? – предложил Ярик.

– Давай, что еще с вами делать.

Теть Зоя достала свои уже старые карты, помнится, там не хватало девятки бубей. Мы этими картами еще с ней играли, когда под стол ходили.

Партии редко доходили до конца: либо все поругаются, либо нас выгонят или просто тетя Зоя начнет рассказывать про свою жизнь и там уже становится не до игры. Так случилось в этот раз.

– Вот вчера взяла себе пива пару банок, думала, посижу спокойно, сериалы по телевизору посмотрю. Пришел сосед, притащил самогон, сало, огурчики, помидоры маринованные. Ну вот как я могла его пустить? Я сразу поняла, что ему от меня надо. Какой мужик будет делиться таким добром с бабой? У меня же там все днище уже прогнило, как на «Москвиче» деда, – уже позабыв о картах, говорила она.

– Да, прогнило, – пытаюсь поддержать разговор, сказал Ярик.

– Вот в прошлом месяце дочка женилась у моей подружки. У нее такой страшный жених, значит, и дети такие же будут. Зачем только за таких замуж выходить?

– Теть Зой, хотите насваем торговать? – произнес Почтальон.

– А что это? Наркотики какие-то?

– Ну что вы. Это просто куриное говно с известью, – промолвил Ярик тоном настоящего профессионала.

– Вот делать нечего мне – навозом торговать.

Бизнес-план провалился, мы сильно даже не настаивали. Уже стало скучно сидеть в этом ларьке, да пора было уже на гулянку выбираться, поэтому надо было идти в магазин закупаться. Мы попросились, взяли несколько сигарет в долг, чтобы дотянуть до гулянки.

У нас были деньги только на вино и сигареты, а остальное предстояло стащить из магазина, чтобы повкуснее было. Обычное дело, ничего интересного.

Сегодня мы собирались у мелкого Аркаши. Маленького человека во всех смыслах, очень жадного и отчаянно пытавшегося быть хитрее и умнее окружающих.

Вступительный взнос был около двухсот рублей, мы собирали каждую копейку, чтобы купить как можно больше суррогата и как следует отдохнуть в конце недели. Хата Аркаши находилась где-то в просаке, между городом и СНТ «Дорожник». Зато у него был частный дом с собакой и уличным туалетом для гостей.

На вечеринку пришло сразу аж две девчонки! Это большая редкость для нашей планеты обезьян, мы смотрели на них как на умных инопланетян. Хотя нет, это слишком громко сказано. Еще там был депрессивный гитарист-романтик Стас, мы ласково называли его Деволуб за особое внимание к дамам на улице. У меня к нему всегда было хорошее отношение, он никак не подгаживал мне. Иногда даже казалось, что, если обратиться к нему за помощью, он не откажет. Друг, подумали вы, но нет, у нас с ним абсолютно разные взгляды на жизнь. Он хочет в будущем учить детей искусству, а я этих малолеток ненавижу.

Аркаша с Почтальоном развлекали гостей, разливали ужасные вина цвета крови, травили шутки, придумывали подробности к ним и еще больше заливались смехом. В гостиной сидел и что-то выл «любитель карманного боулинга». Так мы его прозвали за страсть к своим шарам. «Хоть не к нашим», – так всегда дополнял меня Стас, когда мы кому-то рассказывали происхождение этого прозвища. Мы с ним тогда придумали текст для нашей дебютной песни, не помню наверняка, хотели ли мы создать свою группу. Но могу сказать точно: текст был и остался самым отстойным, который я когда-либо слышал и писал. Стас с любителем боулинга его выучили к этому дню, чтобы исполнить и произвести впечатление на дам. Или лучше будет сказать – баб. Не понимаю, что они в них нашли, в этих ста килограммах и в полутора метрах роста, скорее всего, обе стороны были уже нужной кондиции.

Деволуб перебирал струны под аккомпанемент затихающих голосов и скрежета старой советской мебели. Как же он мерзко выл, может быть, это кому-то и нравилось. Гален торопился, забывал слова, не попадал в ноты, но все равно создавал прекрасную и приятную атмосферу.

Музыка сыграла, ставки зашли. Я вышел покурить, а когда вернулся, в комнате уже ярко запахло кожей баб. Их парфюм очень сильно напоминал освежитель воздуха, но, несмотря на это, он мне чертовски нравился, как бы я ни воротил нос от сала, его хотелось. У одной из них зазвонил телефон, по выражению лица можно было догадаться, что это был ее суженый. С этим персонажем нам еще предстоит познакомиться, подумал я, потому что, очень вероятно, этот мужчина будет не в восторге, что его баба с нами.

Возможно, сейчас приедут и всех побьют, но было как-то не до этого. Не впервой уже.

Я лежал возле открытого окна, гоняя по легким морозный воздух, предвкушая невозможное продолжение этой уже ночи. Как вдруг Почтальон обрадовал меня, сообщая о том, что мы переезжаем к одной из девчонок, а именно к Геле. Она тоже жила в этом просаке буквально через несколько домов. Собравшись, я прихватил то, что плохо лежало и что недопили.

Только когда мы уже располагались в новом месте, пришло осознание того, что мы позабыли об Аркаше и еще одной девчонке. Но мне так было на него наплевать, что я даже прене-

берег его позвать с нами. Главное, что нам тут лучше. Стас сразу же увел Гелю куда-то в бесконечные комнаты этого дома.

У нас образовался кружок бесполезных парней, поначалу я даже думал, что мы просто сидим в очереди, но нет. От скуки я начал какой-то бестолковый монолог.

– Я тут почитал рассказы эмо. Они почему-то все начинались с того, что ему надо встать в школу, и того, как он сильно ненавидит будильник. В красках описывал, как его бьют обычные парни из нулевых, но, какими бы они отстойными ни были, эти истории плохие, это все надо пережить, прочувствовать и излить на бумагу. Правильно же?

Почтальон молчал будто в рот воды набрал.

– А что, если мы все – игрушки, а единственный настоящий – это БаззЛайтер? – произнес я, держа в руках какую-то детскую безделушку.

– Чел, это, конечно, все очень занимательно, но ложись ты спать уже, – пробормотал Почтальон. – Завтра обсудим, если хочешь.

– Завтра, значит, завтра. Постоянно приходится ждать завтра, – на выдохе шептал я.

Я встретился с ним в абсолютно пустой комнате с яркой белой лампой. Там не было ни мебели, ни окон, ни дверей.

– И ради этого мы так пыхтели? – возмущенно спросил я. – Где все, вообще?

– Вечность неукротима, друг мой. Сошел бы с поезда, сделал бы выбор. Здесь ни черта, ни Бога... Так же ты говорил? – раздался знакомый и, может, даже родной голос.

– Ну писал, а что?

– Так что не сделал-то? Почти же пришел к ответу, но сбился уже под конец. Я так ждал, что у тебя все-таки все получится. Что не закончишь, как я свою жизнь. Жизнь свою собачью.

– Следил, получается? Ты кто вообще такой?

– Нет, говорю, что вижу. Тут более чутким, внимательным становишься. Учишься на ошибках.

– Ничего не понимаю вообще. Как я тут очутился, да еще и с тобой? Еще тут есть кто-нибудь?

– Не так быстро, – тяжело вздыхая, ответил кто-то.

2

Первое, что я почувствовал с утра, – это привкус насвая, который Почтальон собирался продать тетя Зое, и ужасного вина. Руки никак не тянулись к сигарете, хотелось жутко есть, желудок словно прилип к позвоночнику. Чувство голода самое прекрасное, оно тебе напоминает, что ни хуя ты не высокоразвитое интеллектуальное создание, раз хочешь есть. Думаете, настоящие инопланетяне питаются кашей по утрам, а на обед они точат борщи? Нет, конечно. Только у нас, единственных существ во Вселенной, блестит ебальце, как натерли сальцем.

Хоть руки и не тянулись к сигарете, но от бутылки «Мистер лис» я не мог отказаться. Перекинувшись хлебом с майонезом, я пошел искать туалет в бесконечных комнатах дома Гели. С первой попытки мне удалось найти только Деволюба с этой жирненькой Гелей. Ну и мерзкое зрелище же, если бы я был на его месте, то придушил бы ее подушкой тут же, как проснулся.

Я не знал, можно ли курить у нее в доме, но все равно это сделал. Вальяжно прогуливаясь по коридору с сигаретой, наблюдая за утренней панорамой, я все-таки смог найти туалет в этом доме.

Открыв дверь, я увидел, наверное, то, что не должен был лицезреть. Урина (Арина по паспорту). Она стояла, расчесывая остатки своих волос, у нее вообще не все в порядке с головой: то вены порежет, чтобы внимание обратили, то еще что-нибудь выкинет, шлюхой подрабатывать начнет. Все в этом духе, ненавидел и ненавижу ее всем сердцем, вообще терпеть не могу людей, которые хотят акцентировать на себе внимание с помощью самобичевания, нытья и прочих мерзких поступков. Собственно говоря, она в дурдоме успела побывать. Там какие-то смешные диагнозы, но не суть.

– Расческа есть? – спросила она меня. – Волосы расчесать надо.

– Чего на хуй? Ты-то тут что делаешь? – удивленно спросил я.

– Тебе по порядку отвечать или как?

– Ну хоть как-нибудь ответь, – произнес я.

– Я королева «Ярпива»...

– Ой все, пошла на хуй! – не дав ей закончить свой бред, я хлопнул дверью и побрел будить Почтальона.

Это тело разложилось на двух стульях и укрылось скатертью со стола. Прямо как кот, этим тоже наплевать, как спать. Мы собрались пораньше, пока хозяйка не проснулась, чтобы не убирать все, что творилось в доме.

15 пропущенных вызовов от бати Ярика пугали и вводили в ступор, зачем я только нашел свой телефон тогда? Лучше бы завести новый. У Почтальона было не меньше. Его батя, алкаш-газосварщик, не какой-то супергерой или каратист, но побить способен. Это не могло не напрягать. По пути зашли в магазин, хотели стащить еды, чая, немного конфет к чаю. Есть негласное правило, что всегда надо покупать какой-нибудь товар, чтобы отвести от себя подозрения.

В этот раз как-то не свезло. Обычно охранник спит в своей камерке или курит за магазином, но сейчас ему приспичило проследить за нами. Мы только собирались выходить, как мерзкая продавщица стала кричать что есть сил.

– Вова, иди сюда! – она горланила так, что становилось еще страшнее.

Из камерки выбежал взъерошенный мужичок лет сорока, он, очевидно, только проснулся и даже толком не понимал, что происходит. Этот мелкий черт схватил нас и повел в свой филиал ада, или лучше будет БДСМ-подземелье. Заставил вывернуть карманы, принялся читать свои бесполезные лекции о воровстве. Потом он позвал какую-то женщину, которая лепетала нам о том, что они тут пашут как проклятые, чтобы детей прокормить и все такое. Было немного стыдно, но в любом случае нам наплевать на этот лепет.

Мы сидели в БДСМ-подземелье, даже не понимая, что нам говорят, мозг до сих пор спит, а сознание в каком-то утреннем тумане. Я смог проснуться оттого, что увидел на мониторе, который показывал изображение с камер. На них были Руслан с Юрой, наши знакомые, они пиздили зефир, какие-то чипсы. «Вот совпадение, ебать», – поразмыслил я. Не дожидаясь окончания лекция короля БДСМ-подземелья, я перебил его и сказал:

– Все, поняли тебя, заебал. Давай мы ныне в тройном размере оплатим и свалим отсюда, – прикрывая спиной монитор, говорил я.

– Да, так будет лучше, – с немислимой тупостью ответил он.

– Бу, бу, бабуин, блядь, – передразнивал его Почтальон.

Мы вышли к кассе, оплатили весь товар в тройном размере. Теперь у нас не было ни денег, ни еды – просто класс. Еще надо потерпеть насмешки Юры с Русланом, что мы нормально даже стащить ничего не можем. На этой прекрасной ноте мы наконец разошлись.

Я присел на пол, ноги затекали стоять так долго. Он был невероятно чистый — почти как в операционной. Лишь без кишкков и кровавой марли.

– Как только ты начнешь переставлять дамки, это все закончится. Все будет по-настоящему. Щенячья радость, искреннее удивление от каждой мелочи. А под конец сможешь укрыться в замке и дронить от заката до рассвета. Так ты хочешь теперь?

– Да что-то не сильно уже. Может, есть какие-то другие варианты? – произнес я.

– Ну мы с тобой не на рынке, чтобы торговаться. Я хочу, чтобы сам сказал, что идеально для тебя. За такое время должен же ты успеть понять.

– Сложно сказать, может быть, выше?

– Тенью тоже быть не грех. Ты и так был безучастным. Когда надо было бегом устремиться, иной раз надо было решиться, порой просто осмыслить. Ты что делал?

– Крошил пепел в перевернутые шашки, затем ставил их обратно дрожащими руками.

– Разве это правильно?

– Сейчас я уже ни в чем не уверен.

3

Я бреду по мокрой тропе в лесу, похоже, это подъем в крутую гору, но я этого совсем не чувствую. Как будто прогулка по золотому пляжу с коктейлем в руке. Лишь бы какой-нибудь одичавший лесник или грибник не зарубил меня здесь. На глазах у скучающих деревьев. Я поднимаюсь к ней, той самой, хоть и ни разу не смог нормально разглядеть ее лицо. Но я знаю, я уверен, что ждет меня там. С каждым шагом вкушаю встречу, представляю этот момент, совсем позабыв об усталости. Перебираюсь через горный хребет. И наблюдаю, как она, девушка, самая лучшая во Вселенной, растворяется в тумане, словно мираж в жаркой пустыне. Откидываюсь назад, закрываю глаза, приказываю себе ждать ее снова тут вечность. Но все равно просыпаюсь в автобусе, который везет меня в дождливый день по протяженному берегу Байкала. В нем только я, водитель и две бутылки светлого пива. Шофер на мой рассказ лишь мычит и говорит, что у меня еще вечность, чтобы встретить ее на той горе.

– Вот так сон, ебать, – сказал я.

Настолько расстроенным не просыпался уже давно. А каково мне, который все это испытывает во сне? Это надо же.

Чем-то мы с ним даже схожи, но у меня нет столько жизней. Две или три, одну из них я потрачу на то, что буду кидать камни в огромное синее море, а если в последней не повезет сделать что-то великое, то придется подниматься на гору. А может, и нет никакой той самой, может, это всего лишь плод воображения? Для того, чтобы существовать, ждать и страдать. Существовать как-то не сильно хочется, следует максимально отсрочить экзистенциальные вопросы, чтобы только лет в сорок сесть на лавочку в парке и сказать самое отчаянное «бля» на свете. А может, и не в сорок. Это никому не известно.

С этими мыслями я отправился к Почтальону, придерживая отяжелевшую голову. Думать, оказывается, очень энергозатратно. Ночью была метель, но от нее остался лишь очень холодный ветер и огромные сугробы. Именно он бродил по этажам, свистел, поднимал пыль, стучал форточками, словно призрак злого деда. Дверь в квартиру Ярика была немного приоткрыта, а за ней сразу то, что осталось от бати, а именно – разбросанные вещи и погнутая ложка. Сам же виновник торжества трясушимися руками размешивал сахар в чае и молча смотрел на меня. Я тоже, по сути, одаряемый, в прошлый раз его батя обещал мне открутить голову, в этот же раз он, скорее всего, зарезал бы меня.

– Ну здравствуй! Как сам? Мне кажется, чем чаще батя приходит сюда, тем меньше становится ложек.

– Зато появляется сахар, – равнодушно ответил мне Почтальон.

– Это – да. Тебе, может, убраться помочь?

– По хуй, меня и так все устраивает... Жизнь эта между наковальней и молотком заебала уже, лишь бы это все закончилось. Смысла в этом уже никакого не осталось, просто какое-то бессмысленное существование. Понимаешь?

Мы стояли и смотрели друг на друга как обитатели разных Вселенных. У него давно были какие-то проблемы, но он о них не рассказывал. Только говорил «хорошо» и не более. Потому что всем все равно, что творится в жизни у мужика, да и больше знать и не надо. Какие у него там трудности, проблемы, – всем наплевать. Главное – результат, а если его нет, то это и не мужик, получается, вовсе.

Выглядел он так, будто стоял уже одной ногой в могиле. Неправильно так говорить, но я к тому, что ему каким-то образом удавалось в нее не свалиться, удивительный персонаж. Из него сыпался песок, отваливались куски, но он все равно радовался тому, что с утра все еще может закурить сигарету.

Знаете, у каждого дома есть свой запах, например, в каком-то пахнет жареным луком с майонезом или же перегаром с дешевыми духами. А тут пахло протухшей рыбой, канализацией и куревом. Как бы Ярика ни устраивало, что происходит дома, мы решили половину вещей выбросить на помойку, а другую постирать. То, что было на полу, вывели в подъезд и скинули вниз по этажам, чтобы мусор сам нашел свое место. Пока мы убирались, даже смогли найти еще одну столовую ложку и немного мелочи. Баланс во Вселенной восстановлен: два друга, две ложки.

Нам нужно было расползаться по своим рутинным делам. Но когда мы вышли из подъезда, в трехстах метрах от нас стояли местные районные приматы, одетые в сине-красные куртки с надписью Russia, кроссовки с местного рынка и черные шапки-гондонки, которые даже не закрывали уши. Самый главный из них что-то жевал во рту, переваливался с ноги на ногу и тупым взглядом смотрел на нас, почти как хозяин БДСМ-подземелья.

– Эй, лошары! Сюда ползите! – выкрикнул один из них и демонстративно плюнул себе на ботинок, скорее всего, он не собирался этого делать, просто факт.

Как бы ни хотелось подходить, но встреча с представителями класса коррекции неминуема для жителей провинции. Чем ближе мы приближались к ним, тем яснее становилось, что это отголоски ночи Стаса и «светленькой» за полторы тысячи.

– Ну вы и попали, пидоры. Ваш кореш уже получил по голове за свой поступок, теперь ваша очередь, пидоры, – с неадекватной агрессией и ненавистью прокричал на нас хозяин этой Гели.

Я выдерживал незатяжное молчание.

– Очередь в чем? В том, что наш «дружочек» стал одним из тех горожан, кто ей просунул?

– Да ты охуел!

– Ну да, кишка у тебя тонка лезть на меня, мудака, – после этих слов я со всего размаха зарядил ему в челюсть, и, прихватив Почтальона за куртку, мы бросились бежать.

Так сильно я давно не рисковал! За нами неслись три обезьяны, что-то выкрикивая, падали на голом льду в своей обледеневшей обуви с рынка. У нас с Яриком было преимущество в том, что мы знали в этой местности каждую щель в заборе, каждый проход между гаражей и домов. По итогу все прошло успешно.

Знаете, когда смотришь на этих людей, я имею в виду маргинальные прослойки, возникает насущный вопрос: а зачем они живут? Какая у них мечта? Мечта-то их для меня ясна и понятна. Стать сильнее и круче, чем Вова из какого-нибудь другого района. А вот для чего живут, непонятно. Как будто просто болтаются в киселе, подергивая ногами и руками. Хотя я вот так пишу о чужом предназначении в жизни, при этом сам не определился. Например, Стас живет ради удовольствия и наслаждения. Даже получив по шапке, он все равно не изменит свое влечение к дамам. Деволуб как-никак. Жить ради такого, конечно, стоит, но ради материального достатка – такое себе решение. Вы же не хотите быть, как господин из Сан-Франциско?

История с этим парнями, конечно, на этом не закончилась. Как только мы отдышались, надо было выручать потерпевшего, кто знает, может, он уже мертв вовсе. У этих обезьян один мозг на троих – это надо помнить и знать, как падежи или таблицу умножения. Одна голова там отвечает, в каком направлении двигаться, а оставшиеся две в постоянной битве за право мыслить. Вот такой получается провинциальный Змей Горыныч.

Честно сказать, мы тогда втроем не понимали, какая голова решила, что, если поставить синяк, сломать нос и ухо, – это хороший выход из данной ситуации. Они как будто забыли, за что дрались. Теперь Стас еще более симпатичен и привлекателен для девушки, с которой переспал. Она же ведь на такой контингент парней и направлена.

Товарищ был мудр в этом плане, он это воспринимал как плату, а не как произвол и взбучку без надобности. Это, быть может, с возрастом приходит или с опытом. Я бы после

такого обозлился бы как черт и хотел бы вернуть справедливость. А Почтальон бы такое вообще не пережил, слишком уж слабый и тощий был.

Раздражающий и осуждающий голос наконец утих. Прошел страх, пропали сомнения в том, что отсюда можно как-то выбраться. Как я сразу не понял, что это конечная станция? Все же просто.

С течением времени я понимал, что мне устроили какую-то извращенную пытку. Сейчас я остался наедине со своими мыслями. Раньше, когда такое случалось, я просто включал себе музыку. С ней про эти все жизненные запары можно позабыть. Я даже спал под музыку. Что там, что здесь у меня дофамина и серотонина было очень мало.

Не оставалось ничего делать, кроме того что откинуться и оглядываться на осуждающее смотрящее прошлое. Тогда мне, наверное, единожды пришлось задуматься о том, что кому-то я так мог насолить, что он меня сюда отправил. Может, тот черт, которого я обругал на днях? Нет, это точно тот парень, который не так мне улыбнулся.

На самом деле это уже не имеет никого смысла, в принципе, теперь многое не имеет смысла. Важно лишь, сколько мне придется так лежать...

Сутки, год? Здесь сложно понять течение времени, спать совсем не хотелось.

4

Не секрет, что человек может занимать множество мест, жизненных статусов. На улице обычный серый человечек, а дома – министр культуры. Но мне как-то удалось получить халтуру в Иркутском драматическом театре в роле бегунка.

Мы выставляли декорации, тогда намечалось представление для местной верхушки власти, а после него должно было быть награждение этих свинуш-чинуш.

Моя должность называлась очень громко и состоятельно – машинист сцены. Единственное, чем управляешь, – это теми декорациями, которые могут катиться на колесиках от офисного стула, а то, что не катится, мы с Пашей перетаскивали вручную. У Паши одного получалось понимать нашего реквизитора. Наверное, они были просто родственные души, потому что оба из Молдовы. Пашу поэтому я и называл Молдаванин, а реквизитора просто все клеймили Долбоебом, потому что он постоянно находился в конфликте с другим придурком похожей масти. Они все никак не могли сойтись во мнении, что и как лучше поставить. Это из-за того, что второго молдаванина заслали из музыкального театра, чтобы он сделал все возможное, дабы не разочаровать чинуш.

Наша команда театральных грузчиков сначала ставила все, как хотел один, а потом снова переставляла. Так и проходили подготовительные дни. Но в этом есть свои плюсы, безусловно, можно было бродить по всему зданию. В нем очень легко заблудиться, так как этот театр строился сначала снаружи, а потом продумывали, как расположить комнаты, лестницы и проходы. Я часто бился головой об потолок, тревожил какие-то картины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.